

*С.Н. Баконина**

**Священник-эсперантист Иннокентий Серышев
как представитель церковной оппозиции
и его деятельность в Харбине в 1920-е гг.**

АННОТАЦИЯ: В статье представлен полемический взгляд на деятельность известного эсперантиста, учёного-ориенталиста, священника Русской православной церкви Иннокентия Серышева; рассматривается его причастность к попыткам «обновления» церковной жизни дальневосточного зарубежья, прежде всего в Харбинской епархии; анализируется его позиция как оппозиционера и сторонника «революционных» преобразований в Русской православной церкви.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская православная церковь, Дальний Восток, русская эмиграция, православие, обновленчество, Японская миссия, Харбинская епархия.

Иннокентий Николаевич Серышев известен российским исследователям, прежде всего, как учёный-ориенталист, имевший отношение к школе востоковедов в Харбине, в частности, к основанному в 1922 г. Обществу изучения Маньчжурского края

* Баконина Светлана Николаевна, к.и.н., н.с. научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской православной церкви, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; E-mail: snb398@rambler.ru

© Баконина С.Н., 2019

(ОИМК)¹. Не имея специального образования, И.Н. Серышев сумел подготовить и издать в Харбине ряд оригинальных и переводных работ, посвящённых Японии. Однако главным направлением его деятельности было распространение в Китае искусственного языка эсперанто. Эта деятельность русского эмигранта, учёного-самоучки не может не вызывать большого недоумения, поскольку Серышев был не просто свободным просветителем, а священником Русской православной церкви.

В Харбин он приехал из Японии в июле 1922 года. Устроить свой быт и развернуть столь далёкую от призвания священнослужителя деятельность отец Иннокентий сумел благодаря поддержке архиепископа Харбинского Мефодия (Герасимова), хорошо знавшего семью Серышевых ещё до революции. И тогда мало кто догадывался, что этот странный священник, распространявший по Харбину листовки с зелёной пятиконечной звездой, являлся одним из ярчайших представителей революционно настроенного духовенства, а именно — либералов, оппозиционеров, модернистов, сторонников обновленческого движения. Изучение обширных материалов из личных фондов священника Иннокентия Серышева позволяет также причислить его к званию великого авантюриста, способного занять место в истории наравне с известным литературным героем — Остапом Бендером.

Его революционные симпатии, политические и философские взгляды сформировались задолго до 1917 г., и на их развитие во многом повлияло как отсутствие должного воспитания в православной семье, так и личные качества эгоистичной и своевольной натуры Серышева.

Иннокентий Николаевич Серышев родился 15 августа 1883 г. в Забайкалье, в станице Большая Кудара. Он был сыном священника Николая Дмитриевича Серышева — человека мягкосердечного, бесребреника, отличавшегося глубокой религиозностью и преданностью Церкви. Священнический сан Николай Дмитриевич принял в 19 лет от роду и тогда же получил огромный казачий приход Большая Кудара в 40 верстах от Кяхты. Женат он был на купеческой дочери Елизавете Семёновне Сибиряковой, имел сына и двух дочерей.

¹ *Хисамутдинов А.А.* Иннокентий Серышев — востоковед и эсперантист // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 135–138; *Хохлов А.Н.* Священник-ориенталист Иннокентий Серышев и его просветительская деятельность (Из истории востоковедения русского зарубежья). Вестник церковной истории. № 2. М., 2006. С. 198–213; *Батоцыренов Э.А.* Иннокентий Серышев — священник-востоковед // Известия Алтайского отделения РГО. 2015. Вып. 3 (38). С. 76–79.

Отец мало повлиял на воспитание Иннокентия, и характеры их были совершенно противоположны. В 1898 г., когда Иннокентий Серышев учился в 6 классе реального училища, отец Николай был назначен членом Консистории и переехал в Читу, оставив сына в г. Троицкосавске на попечение дяди Сибирякова. Как писал в своей автобиографии отец Иннокентий: «дядя был холостой охотник забулдыга, и я пользовался у него свободой. Научился рано курить и пить»². В 1900 г. он окончил училище с правом внеконкурсного поступления в только что открывшийся Томский политехнический институт. Легко перешёл на второй курс, но, женившись в 1902 г. (на Екатерине Фёдоровне Бондаренко), запустил занятия и был вынужден остаться на 2-м курсе на второй год. Затем, сдав половину экзаменов на 3-й курс, вдруг решил оставить институт, т. к. окончательно потерял интерес к изучению технических наук. Поступив на службу в контроль железной дороги в Томске, Иннокентий Серышев вскоре попал в тюрьму «за антивоенную пропаганду среди солдат во время русско-японской войны». Просидев 17 дней в одиночке, он, по собственному признанию, первый раз в жизни полностью прочитал Евангелие и, как пишет Серышев в автобиографии, «сделал полную переоценку ценностей, критически отнесся к своему поведению». Говоря о себе, он утверждал, что политикой не занимался и не был атеистом, хотя «и в церковь ходить перестал и много либеральничал». В тюрьме Серышев дал своеобразный обет: в случае освобождения из заключения он обещал «бросить пить и курить, и идти в народ служить в качестве священника». После освобождения, случившегося благодаря хлопотам жены, которая взяла его на поруки за 400 рублей, он отправился к архиепископу Алтайскому Макарию (Невскому),³ которому поведал свою историю. Представившись студентом, отсидевшим в тюрьме по ложному обвинению и пережившим там душевный переворот, Серышев рассказал о своём обете «стать иереем и служить народу не на словах, а на деле». Святитель Макарий ответил: «3 года прослужите селучителем, 3 года псаломщиком, 3 года дьяконом, а затем и священство». Тогда Серышев, которого такая перспектива не устраивала, обратился к отцу с просьбой поговорить с епископом Читинским Мефодием (Герасимовым), после чего владыка Мефодий согласился рукоположить Иннокентия сначала в диаконы (в январе 1906 г.), а

² ГАРФ. Ф. Р-6964. Оп. 1, д. 1, л. 17а.

³ Святитель Макарий Невский (Парвицкий Михаил Андреевич; 1835–1926) — митрополит Московский и Коломенский, известный миссионер, прославился как «апостол Алтая». Причислен к лику святых на Архиерейском соборе Русской православной церкви в 2000 г.

через неделю в священника. Прослужив три года в большом Дорнинском приходе, что на реке Ингода в 200 верстах от Читы, отец Иннокентий, несмотря на своё обещание не заниматься политикой, начал писать статьи против Союза русского народа и Союза архангела Михаила. Епископ Мефодий был вынужден потребовать от него выйти за штат, поскольку это была единственная возможность защитить молодого священника от более строгого наказания — лишения сана⁴. Сам же владыка Мефодий, будущий Харбинский архиерей, вспоминая об этом, признавался, что ещё в период революции 1905 г. он вставал на защиту некоторых священников, обвинённых в политической неблагонадёжности, за что его сочли недостаточно твёрдым и «держали в залоге»⁵.

В 1917 г. во время развала Российской Империи и «демократизации общества», когда под руководством обер-прокурора Святейшего синода В.Н. Львова началось «обновление» церковного строя, либералы из духовенства, подобные Иннокентию Серышеву, составляли основную силу, стремившуюся ограничить власть православной иерархии и в конечном итоге разрушить церковные устои. Но владыка Мефодий, защищая революционеров, видел в этом исполнение своего христианского долга. Сыграло роль и отношение архиерея к семье Серышева, желание поддержать уважаемого в епархии пастыря, каким был отец Николай. С другой стороны, путь Иннокентия Серышева к священнослужению нельзя назвать традиционным, более того, его характер вообще не соответствовал требованиям, предъявляемым к священнику.

В 1909 г. отец Иннокентий прочитал брошюру доктора Л. Заменгофа о международном языке эсперанто, которая произвела на него сильное впечатление. В 1910 г. он съездил с больной женой в Славянск и Крым, и, вернувшись в Читу, получил место учителя в двухклассной церковноприходской школе. В Славянске он впервые начал изучать эсперанто и написал на нём несколько писем за границу. Через несколько месяцев Серышев получил ответ из Австралии, и с тех пор началась его обширная переписка с эсперантистами.

Симпатии отца Иннокентия к революционным идеям и социалистическим лозунгам привели к тому, что за очередную статью в журнале «Красный звон» он в качестве наказания попал на месячное безочередное служение в Селенгинский монастырь, после чего снова получил приход, теперь уже далеко в глубинке, в селении Шерголь-

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6964. Оп. 1, д. 1, л. 17а.

⁵ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. 3. Оренбург, 2000. С. 363.

джин на границе с Монголией, где числился три года. Прибыв в Шергольджин, он упросил своего отца, который приехал туда вслед за ним, «заменить» его на приходе, а сам отправился «в отпуск» за границу вместе с одной из своих сестёр, тоже ставшей эсперантисткой. Во время этого четырёхмесячного путешествия они посетили Германию, Бельгию, Англию, Францию, Италию, Швейцарию, Австро-Венгрию, Константинополь. Тогда же отец Иннокентий побывал на Афоне. Любопытно, что об этом посещении, столь важном для каждого православного паломника, он не выразил в своих воспоминаниях никаких впечатлений, зато о поездке по названным городам с гордостью написал, что активно пользовался языком эсперанто.

Интересы отца Иннокентия всегда были далеки от Церкви, зато общение с эсперантистами увлекало его всё больше и больше. Так, в одном только 1911 г. он переслал за границу 700 эсперантских открыток. Среди них написанная 1 августа 1911 г. открытка в Англию, отправленная на следующий день из Красного Яра (Забайкалье) в Уимблдон (Англия)⁶. Открытка была получена адресатом 31 августа. Выглядела она весьма выразительно: на лицевой стороне в виде почтовой марки был наклеен фотопортрет И.Н. Серышева в рясе и с крестом. Под портретом надписи: «“U.E.A”. — “Универсальная Эсперанто-Ассоциация”» и «Esperanto». Слева от фото — оттиск-штамп в виде зелёной пятиконечной звезды с рукописной подписью «Esperanto», такой же зелёный оттиск с аналогичной надписью представлен на обороте открытки, в левой нижней части места для адреса. Видно, что в это время отец Иннокентий ещё не вполне уверенно писал на эсперанто русские названия (например, Verhneudinskij uezdo вместо Verhneudinska uezdo). На открытке указан «№ 1», т. е. это была первая открытка Серышева некоему г-ну Хайду, в которой автор знакомился с адресатом и рассказывал о себе. Вот её текст:

«Уважаемый единомышленник! С удовольствием я принимаю предложение обмениваться иллюстрированными почтовыми карточками и нашими портретами — будьте так любезны, пришлите мне Ваш портрет (на почтовой карте) — я тем временем приготовлю мой (все я разослал!..), и после получения Вашего я отошлю Вам мой. Мне 28 лет, я женат, бездетен. Я учился в реальной школе и три года в Технологическом Институте, механический факультет. Читали ли

⁶ См.: Патлань Ю. По следам трёх открыток сибирского священника Иннокентия Серышева // Научно-культурологический журнал. № 8 [296]. 01.07.2015.

Вы в январском номере (1911 г.) „Британского Эсперантиста“⁷ мою „Болтовню“? Если Ваша уважаемая супруга знает эсперанто, я с огромным удовольствием буду обмениваться с нею иллюстрированными почтовыми карточками. Моя свояченица, сестра⁸ и мать знают Эсперанто. Я посещал Лондон в 1910 году, летом. Пишите!

От всего сердца Ваш священник (православный)

Иннокентий Серышев»⁹.

В этом послании отец Иннокентий упоминает своё эссе, составленное в декабре 1910 г. и опубликованное в английском эсперантском журнале¹⁰. В нём Серышев писал, что недавно изучил эсперанто, совершил поездку с сестрой в Европу — Брюссель, Лондон, Париж. Рассказывая в эссе о встречах с эсперантистами, он откровенно заявил, что разделяет мнение «японского министра», что «эсперанто — это новое евангелие человечества». Здесь же он описал свою встречу с бельгийским аббатом Остином Ричардсоном.

Таким образом, можно сказать, что в своих эсперантских писаниях Иннокентий Серышев фактически отказался от традиционных православных взглядов и открыто продекларировал идеи глобализма. В дальнейшем это привело его к рассуждениям о родстве всех религий, что является свидетельством о возможной принадлежности отца Иннокентия к масонству. С точки зрения православия, равенство между Православной церковью и другими «христианскими» деноминациями невозможно, а если считать их также родственными другим религиям, то это уже путь к созданию синкретической мировой религии, что является целью масонской идеологии.¹¹

В 1914 г. умер отец Николай Серышев, и его сын, священник Иннокентий Серышев, оказался в Томской епархии, куда в декабре 1912 г. был переведён епископ Мефодий (с августа 1914 г. покровитель семьи Серышевых уже епископ Оренбургский и Тургайский). До 1917 г. отец Иннокентий сменил три прихода: недолго пробыв в Петухово под Томском, почти 2 года служил в Терешкинском приходе Барнаульского уезда, затем в Романьково, недалеко от Барнаула.

⁷ La Brita Esperantisto (англ. The British Esperantist) — журнал Эсперанто-Ассоциации Британии. Издавался с 1905 г.

⁸ Серышева Варвара Николаевна — автор учебника эсперанто для детей «La verda steleto» («Зелёная звездочка»). Милан, 1926.

⁹ Цит. по: Патлань Ю. По следам трёх открыток сибирского священника Иннокентия Серышева.

¹⁰ *Innokentij Serishev. Babilado // La Brita Esperantisto. 1911. Vol. VII. № 73 (januaro). P. 11–12.*

¹¹ См.: *Серафим (Роуз), иеромон. Православие и религия будущего: О «духовности» экуменизма — главной ереси XX века. М., 2016. С. 16.*

После Февральской революции Серышев снова вышел за штат и по приглашению барнаульских кооператоров устроился секретарём в культурно-просветительный отдел при Кредитном и Потребительском кооперативных союзах, впоследствии преобразованный в самостоятельный Культурно-просветительный союз Алтайского края. Летом 1918 г. по приглашению приват-доцента Б.Ф. Добрынина он стал секретарём при внешкольном отделе народного образования Каракорум-Алтайского уездного земства. В сентябре 1919 г. эвакуировался в Бийск и затем выехал в Томск, оставив семью в Алтайской глубинке. По его личным воспоминаниям, в это время в Томск прибыл из Омска «кое-кто из министров», благодаря которому он смог получить от Министерства народного просвещения «безденежную командировку в Японию и Америку для ознакомления с постановкой там дела народного образования». Без денег, с большим трудом он два месяца добирался до Владивостока, откуда местные эсперантисты помогли ему уехать в Японию.

Прибыв в Японию в декабре 1920 г., Серышев сразу же направился в общество эсперантистов — среди японцев он уже имел много знакомых по переписке. С первых дней пребывания в Токио японцы постоянно сопровождали его в поездках по городу, особенно при посещении школ и музеев, пока он постепенно не освоился с японским языком. В Токио Серышев прожил два с половиной года — учил язык, ходил по школам, знакомясь со школьным делом сначала с помощью японских эсперантистов, а позже самостоятельно. 200 вёрст прошёл один пешком по сёлам и городам Японии, собирая «материал по школьному делу» (в основном это были детские рисунки), читал в японских эсперантских обществах лекции на эсперанто¹².

Епископ Японский Сергей (Тихомиров), начальник Русской православной миссии, поначалу принял Серышева так же, как принимал других священников-беженцев, т. е., по словам самого отца Иннокентия, довольно хорошо. При первой же встрече Серышев передал епископу письмо от своего попечителя — архиепископа Оренбургского и Тургайского Мефодия, который спрашивал о возможности устроиться временно в Токио. В разговоре владыка Сергей, как вспоминал Серышев, осудил епископов-беженцев, сказав: «Я бы не побежал»¹³.

Поселился отец Иннокентий, по упорному своему настоянию, в сторожке при Токийском соборе, т. е. на территории Миссии, однако одеваться и жить стал по-японски. В церкви почти не бывал. Однажды в японской газете «Дзи-дзи» появилась статья под названием «Не

¹² ГАРФ. Ф. 6964, д. 1, л. 176.

¹³ ГАРФ. Ф. 10143, оп. 71. Вох. 1.

красная ли пропаганда!», в которой описывалось, как какой-то русский в японском кимоно с распущенными волосами посетил одного из лидеров русских коммунистов, проживавшего в Яманоте. Странный русский был арестован и взят на допрос в полицию. При обыске японские полицейские заметили в рукаве задержанного эсперантскую листовку с изображением зелёной пятиконечной звезды. Решив, что это красная пропаганда, они немедленно обратились за инструкцией.

Помощь отцу Иннокентию в Японии стал оказывать настоятель посольской церкви в Токио протоиерей Пётр Иванович Булгаков, также доставлявший начальнику Миссии немало хлопот. В то же время владыка с большим уважением относился к жене протоиерея, Софье Матвеевне, урождённой Позднеевой, сестре известного профессора А.М. Позднеева. По словам архиепископа Сергия, она была ангелом-хранителем мужа. «Из-за ней, — писал начальник Миссии в одном из своих писем, — всё-таки бывали у Булгакова в Рождество Христово и в Пасху. И из-за ней он, несмотря на все свои выходы, всё-таки не сломил шею».¹⁴

Настоятель посольской церкви постоянно вмешивался в дела Миссии (особенно его привлекала должность заведующего библиотекой, находившейся в ведении епископа), не раз по собственной инициативе отправлял требы в миссийском храме, присваивая себе весь доход. Это повлекло за собой новый конфликт между ним и владыкой Сергием. В то же время отец Пётр всячески содействовал Серышеву в его попытке устроиться служить в какой-либо миссийской церкви, «не оставляя при этом эсперантской работы». Но владыка Сергей довольно скоро и не без оснований стал относиться к отцу Иннокентию как к авантюристу, выдававшему себя за священника. В письме Серышеву от 16 декабря 1920 г. протоиерей Пётр Булгаков привёл ему выдержку из письма начальника Миссии, который сообщал:

«Посторонним священникам в миссийских церквях служба будет разрешаема только в тех случаях, когда эти беженцы делают пастырские дела, и не находятся под надзором полиции открытым или тайным»¹⁵.

Вскоре Серышев, по требованию Консистории, был выселен из сторожки, и на несколько месяцев его приютила буддийская семья, глава которой, адвокат Манадзаки, был японским социалистом.

В январе 1921 г. протоиерей Пётр Булгаков хлопотал об отправке отца Иннокентия в Америку, составив письмо о передаче документов по аттестации Серышева с приложением биографии и подробностей

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5973, д. 118, л. 10.

его жизни, но хлопоты эти не имели успеха. Он также обращался в посольство по вопросу о возможности въезда в Японию архиепископа Мефодия (Герасимова), который продолжал поддерживать связь с Серышевым. Архиепископ Мефодий так и не смог приехать в Японию — эмигрировав в 1920 г. в Харбин, он остался там до конца жизни.

В марте 1922 г. архиепископ Мефодий возглавил новообразованную Харбинскую епархию, подчинявшуюся Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). В начале июля в Харбин перебрался и отец Иннокентий Серышев. По прибытии он узнал от своего покровителя, что несколько дней назад «с разрешения соввластей и в окупленном ею вагоне» в Харбин приехала с Алтая его жена с сыном, матерью и сестрой¹⁶. Владыка Мефодий поначалу поселил семью в бараке для беженцев, предоставив отцу Иннокентию должность законоучителя в 1-й начальной Новгородской железнодорожной школе. По словам самого Серышева, начальник учебного отдела КВЖД Д.А. Дьяков устроил его на это место, сместив соборного протоиерея Леонтия Пекарского. Заведующим церковным отделом при Управлении КВЖД состоял тогда протоиерей Александр Онипкин, благочинный церковью полосы отчуждения.

Иногда отец Иннокентий сослужил архиепископу Мефодию в соборе, но чаще получал выговоры за то, что по своей давней привычке пропускал службы. Затем Серышев занял место законоучителя в Коммерческом училище Бреева, и в свободное от законоучительства время при содействии нового начальника учебного отдела КВЖД Н.И. Никифорова устроился набирать и печатать в «домашней» типографии учебного отдела. Работал он главным образом для эсперанто. Являясь членом правления Общества эсперантистов, отец Иннокентий писал и издавал листовки, которые эсперантисты разносили по Харбину, публиковал статьи в харбинских газетах, читал лекции. По улицам Серышев ходил в светском костюме, носил эсперантский знак — зелёную звезду. «Всё это вызывало немало толков, — писал он, — но никаких вредных последствий для меня не имело. Владыка Мефодий защищал меня от атак некоторых духовных зилютов, сам сочувствуя делу эсперантизма»¹⁷.

Серышев по-прежнему переписывался со своим единомышленником, протоиереем Петром Булгаковым, высылал ему газеты и помогал в переправке писем в Россию и харбинским адресатам отца Петра. Следует отметить, что протоиерей Пётр Иванович Булгаков

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10143, оп. 71, кат. 1.

¹⁷ Там же.

претендовал на звание главы дальневосточной церковной оппозиции за границей. По собственному признанию священника, его замыслы простирались до «великой церковной реформации», хотя о своей роли в этой борьбе он скромно писал: «Я стараюсь только готовить почву для будущего реформатора Церкви»¹⁸. В то же время деятельность Булгакова носила полуподпольный характер и сводилась главным образом к интригам и клеветническим статьям в эмигрантских газетах против православного духовенства.

Статьи отца Иннокентия в газетах также часто содержали «критику» харбинского духовенства либо были связаны с его эсперантской деятельностью. Один из примеров — статья Серышева в харбинской газете «Новости жизни» от 4 августа 1923 г. об экспериментальной школе III-го Коминтерна в г. Барнауле Алтайской губернии, где учительствовала его сестра, преподававшая там эсперанто. Автор статьи, комментируя сообщения педагогов и учеников школы на эсперанто о введении этого языка в программу 4, 5, 6, 7 и 8 классов в 1922–1923 учебном году и отмечая положительные результаты преподавания, писал: «Так как в пролетарских школах никакие иностранные языки не преподаются, что имеет место также и в школе III-го Коминтерна, так как с другой стороны нельзя оставлять пролетарий и его детей без орудия взаимобщения с товарищами других стран, то опыт введения эсперанто в программу этой школы является для всех весьма интересным и показательным»¹⁹.

В 1923 г. оппозиционеры — отец Пётр Булгаков и отец Иннокентий Серышев — спровоцировали конфликт правящего архиерея с Харбинским епархиальным советом²⁰. Вопрос касался реконструкции Совета. Оказавшись невольным соучастником их интриг, архиепископ Мефодий 25 октября 1923 г. неожиданно распустил прежний состав Совета, издав распоряжение о прекращении его деятельности и сдаче дел протоиереям Онипкину и Борисоглебскому. Оба новоназначенных священника были сторонниками либеральных взглядов, а протоиерей Александр Онипкин, помимо дружбы с Серышевым, имел переписку с отцом Петром Булгаковым. Надо сказать, что летом того же года состоялась попытка отца Петра вступить в ряды обновленческого духовенства, о чём он вёл переговоры с обновленческим епископом Василием (Смеловым).

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5973, д. 123, л. 42а.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6964, д. 1, л. 11.

²⁰ Подробнее см.: *Баконина С.Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Последняя попытка обновленцев обосноваться в Харбине относится к 1925 г., об этом свидетельствовал архиепископ Мефодий в своём письме главе Зарубежного синода митрополиту Антонию (Храповицкому). «Что касается живцов, — сообщал он, — то Владивостокский живой архиерей Смелов обнаружил поползновение основать в Харбинской епархии „живую церковь“. Сначала он прислал в Харбин свою дочь, которая заходила к моей племяннице, с которой вместе училась, но о цели своего прихода не сказала. Однако, оглядевшись, начала агитацию в пользу своего отца, расточая похвалы его красноречию. <...> Смелов представляет известную силу. Дочь Смелова недавно уехала к отцу и вместо неё приехала какая-то старуха. Сам Смелов прислал письмо Епархиальному Миссионеру прот[оиерею] Демидову (Смелов бывший тоже миссионер), предлагая ему идти в живые архиереи»²¹.

Результат длительного (тянувшегося почти год) конфликта архиепископа Мефодия с Епархиальным советом являлся, по сути, первым шагом оппозиционеров на пути создания в Харбине условий для организации будущей обновленческой епархии. В период распространения советского влияния в Китае и неослабевающего интереса российских обновленцев к положению дел в Маньчжурии обстановка могла измениться в любой момент, опасность перехода управления епархией под обновленческий контроль была очевидна. Однако планы обновленцев не были реализованы, и Харбинская епархия, находившаяся в юрисдикции РПЦЗ, преодолела напор либеральных сил. Обновленческие идеи в среде дальневосточной эмиграции не прижились.

В 1924 г. отец Пётр Булгаков перебрался в Америку, а Иннокентий Серышев уехал в Пекин, где устроился преподавать эсперанто в колледже. В мае 1925 г. он вернулся в Харбин, посвятив себя одной лишь эсперантской работе, главным образом изданию на эсперанто журнала «Oriento» («Восток»).

В январе 1926 г. Серышев эмигрировал в Австралию. Первое время он работал простым рабочим в Сиднее. Через два месяца поступил на стекольный завод, после чего по хлопотам одной местной эсперантистки устроился подручным в пансион, где проработал 13 месяцев. Когда из Харбина приехала его семья, жена поступила в тот же пансион горничной, а сын поливал сад. Вскоре Серышевы ушли из пансиона, и отец Иннокентий снова поступил на стекольный завод. Через 13 месяцев он потерял место, пять месяцев оставался без работы, затем поступил «кухонным мужиком» в католический колледж,

²¹ ГАРФ. Ф. Р-6343, д. 233, л. 99–99об.

где пробыл два месяца и заболел, в связи с чем снова потерял место. Наконец, он устроился в женский родильный госпиталь, где прослужил шесть лет. За это время создал собственную частную подвижную библиотеку «Ориенто». Когда же в Сиднее появилась новая библиотека Русского дома, он был вынужден ликвидировать «Ориенто». Продав книги по беллетристике, отец Иннокентий тем не менее оставил для себя и «избранных друзей» отделы религии, науки, востоковедения и, чего нельзя не отметить, отдел оккультизма. Книги были по большей части на английском, эсперанто и русском языках.

В декабре 1934 г. Серышев начал издавать журнал «Церковный Колокол», после его закрытия — журнал «Церковь и Наука». Кроме того, в разное время он выпускал такие журналы, как «Азия», «Австралия», «Путь эмигранта» с приложением — «Записки кружка изучения Австралии в Сиднее», «Русская культура», а также непериодический журнал «Полемический бюллетень» — «орган самозащиты священника Иннокентия Серышева».

Отношения с русскими эмигрантами в Австралии у него по большей части не сложились по причине своеобразного поведения отца Иннокентия. Так, служа недолгое время в сирийском храме, который посещали русские и сирийские православные, он проповедовал и читал молитвы не только по-русски (вместо церковнославянского языка) и по-английски, но и на эсперанто. На Пасху даже прочитал на эсперанто Евангелие, что, естественно, не понравилось русским прихожанам. От него потребовали отказаться от всяких языков, кроме богослужебного, однако он не согласился «подчиниться указке мирских лиц» и ушёл из прихода, издав тогда же № 1 своего «Полемического Бюллетеня».

Любимым жанром Серышева как автора и издателя по-прежнему оставалась колкая критика, направленная в основном на известных в эмиграции людей, церковноначалие и обычных православных, что также накладывало отпечаток на его положение в обществе соотечественников. Неизменными его почитателями оставались по большей части эсперантисты, для которых Иннокентий Николаевич Серышев остаётся значимой фигурой до сегодняшнего дня.

Приведённые выше факты биографии священника-эсперантиста Иннокентия Серышева призваны несколько смягчить восторженный взгляд некоторых исследователей на его личность и, не умаляя значения его научных трудов, вклада в изучение Японии и Китая, сохранение памяти о русских эмигрантах-востоковедах, учитывать в дальнейших исследованиях не только его безусловные дарования, но и философские заблуждения, увлечение оккультизмом и теософией, повлиявшие на формирование модернистских богословских

воззрений отца Иннокентия, его оппозиционный настрой по отношению к родному православию и те ошибки, которые он совершал из-за своего вечно протестующего неуравновешенного характера на пути к религиозной свободе.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. Р-5973, д. 118.
2. ГАРФ. Ф. Р-5973, д. 123.
3. ГАРФ. Ф. Р-6964, д. 1.
4. ГАРФ. Ф. Р-6343, д. 233.
5. ГАРФ. Ф. 10143, оп. 71, кат. 1.
6. *Баконина С.Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг.: На материалах Харбинской епархии. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.
7. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века // Сост. *прот. Н.Е. Стремский*: В 3 кн. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2000. Кн. 3.
8. *Патлань Ю.* По следам трёх открыток сибирского священника Иннокентия Серышева // Научно-культурологический журнал. № 8 [296]. 01.07.2015. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4283&level1=main&level2=articles>.
9. *Серафим (Роуз), иеромон.* Православие и религия будущего: О «духовности» экуменизма — главной ереси XX века. М.: Изд. дом «Русский паломник»; Валаамское Общество Америки, 2016.
10. *Хохлов А.Н.* Священник-ориенталист Иннокентий Серышев и его просветительская деятельность (Из истории востоковедения русского зарубежья) // Вестник церковной истории. № 2. М., 2006. С. 198–213.

*S.N. Bakonina**

Priest-Esperantist Innokenty Seryshev as a Representative of the Church Opposition and his Activities in Harbin in 1920s

ABSTRACT: The article presents a polemical view of the activities of the famous esperantist, researcher-orientalist, priest of the Russian Orthodox Church Innokenty Seryshev; his involvement in attempts to “renew” the church life of Far Eastern countries, first of all, in the Harbin diocese; his position as an oppositionist and a supporter of “revolutionary” transformations in the Russian Orthodox Church is analyzed.

KEYWORDS: Russian Orthodox Church, Far East, Russian emigration, Orthodoxy, Renovation, Japanese mission, Harbin Diocese.

* Bakonina Svetlana Nikolayevna, PhD (History), Researcher at the Department of the Modern History of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon’s Orthodox University, Moscow, Russia; E-mail: snb398@rambler.ru